
МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

*Отрывки изъ Байронова сочиненія:
Манфредъ.*

(Дѣйствіе 1-е, явленіе 2-е.)

(Гора Юнгфрау; утро.)

Манфредъ (одинъ на скалѣ).

Напрасно все; оставленный духами,
Обманутый наукой волшебства,
Принесшей мнѣ мученье, не оспраду,
Я потерялъ надежду на безплодныхъ:
Они забвенья мнѣ не властны дашь,
А въ будущемъ, пока во мнѣ не скрышо
Протекшее, я и чашать не стану.
О матеръ смершныхъ всѣхъ, земля! о вы, ●
Громады! о юный день! почшо
Прекрасны вы? — Я не могу любить васъ!
Ты солнце, око пышное вселенной,
Всезрящее, оспрадное для всѣхъ!
Ты не сіяешь сердцу моему!
Вы, скалы дикія, съ вершины коихъ
Я подь собою въ мрачной безднѣ зрю
И горный ключъ, и боръ надъ нимъ нависшій,
Ч. XVII. No 18. 5

Въ кустарникъ далью превращенный ! нуженъ
 Одинъ лишь шагъ , движеніе , одно
 Лишь дуновение вѣтра — и навѣкъ
 Я почию въ кремѣиспомѣ вашемъ лонѣ ,
 Почпо-же медлю я ? Почпо , стремясь
 На встрѣчу смерти , не зову ее ?
 Гошовой пастъ , я неподвиженъ , будшо
 Прикована нога моя къ землѣ .
 Непоснижимой пѣкой силой я
 Привязанъ къ жизни . . . къ жизни ! зрѣть въ себѣ
 Отчаянье и духа ваготу ,
 Быть заживо души своей могилой ,
 И знашь неправость собственныхъ дѣяній ,
 Последнюю зла степень ; можно-ль жизнью
 Назвашь шакое бытіе .?

(Пролетаетъ орелъ.)

О ты ,
 Воздушныхъ странъ быстрокрылатый путникъ ,
 Надъ тучами парящій и громами !
 Лети ко мнѣ : мой прахъ послужить вскорѣ
 Тебѣ , ппенцамъ швоимъ , приличной пищей .
 Но ты умчался въ обласпи небесъ ;
 Оттуда ты объемлешь быстрымъ взоромъ
 Всѣ чудеса творенія . . . Прекрасенъ ,
 О , какъ прекрасенъ видимый сей мръ !
 Какъ спроенъ онъ въ себѣ , въ своемъ шечени !
 Лишь мы , владыки мнимые его ,
 Мы , полупрахъ и полубожество ,
 Невластные ни пастъ , ни вознестись ,
 Дыша и гордостью и разрушеньемъ ,
 Борьбою низкихъ нуждъ съ надменной волей ,
 Его стихій порядокъ нарушаемъ ,

Пока, природою одолены,
Мы станем то, чьяго вовсе бытъ не мыслить,
Чему и ввѣрить не хотимъ!

(Въ отдаленіи слышны звуки свирѣли.)

Ахъ! звуки

Пастушеской свирѣли! Въ сей страцѣ
Не басня вѣки патріарховъ: пѣсни,
И колокольчиковъ пріятный звонъ
Разносятся въ семь воздухъ свободы:
Душа моя ихъ съ жаждою пѣсть.
О, если-бъ могъ я бытъ незримымъ духомъ,
Сихъ стройныхъ звуковъ музыкой живой,
Иль эхомъ горь, гармоніей унылой
Рожденной съ голосомъ, и вѣстать съ нимъ
Въ пространствѣ умирающей воздушною!

О х о т ѣ и к ѣ. (выходитъ на скалу.)

Сюда умчалась серна; я обмануть
Проворствомъ ногъ ея: моя добыча
Сегодня трудъ не награждаетъ худо!
Но кто здѣсь, на скалѣ, едва доступной
Опважнѣйшимъ изъ опытныхъ стрѣлковъ?
Онъ не охотникъ; но въ его чертахъ
Написаны и добропа, и гордость,
И мужество свободныхъ нашихъ горцовъ.
Я къ незнакомцу ближе подожду.

(Взбирается выше; Манфредъ не видитъ его.)

М а н ф р е д ѣ.

Быть послѣднимъ съ дарами, подобно
Дубамъ снѣгъ, жаренымъ въ кой-какой бурѣ;

Нагни, спелбляма на прохладныхъ корняхъ,
 Гилюцима, какъ непогребенный шрупъ;
 Бышь такъ и вѣчно такъ, не бьшь такъ прежде;
 Морщины зрѣшь на блѣдномъ семъ челѣ,
 Изрытныя мгновеньемъ, не годами;
 Влачишь часы, какъ тягостныя вѣки
 И имъ конца не видишь. . . . О! падите,
 Вы, надо мной нависшія лавины,
 Разрушьте вы меня, утесы, скалы!
 Почто меня упадите вы? почто,
 Съ стреминья кренистыхъ повергаесь въ бездну,
 Разите вы лишь тварей, коимъ жизнь
 Не бремя тяжкое, зеленый лѣсъ,
 Спада, жилаща мирныхъ поселятъ?

О х о т н и к ъ.

Уже встаюшь туманы изъ долины;
 Я похочу ему сойдти, или онъ
 И пусть и жизнь утратишь можешь видѣть.

(Идетъ выше.)

М а н ф р е д ъ.

Сядой шуманъ встаетъ надъ ледникѣми;
 Онъ спелелся стѣрно-огнистой тучей,
 Какъ пѣна моря адскаго, гдѣ волны
 Шумящъ и бьющъ о берегъ, какъ нескомъ
 Усыанный отверженцовъ душами!
 Я содрогаюсь. . .

О х о т н и к ъ.

Я къ нему украдкой
 Приблизусь съ тыла; онъ едва спойтъ,
 И музъ его внезапный устранилъ-бы. . .

Манфредъ (не видитъ его).

Когда-то пала Розенбергъ гора :
 Оплынули, какъ двинушья бурей,
 Ошь ребрь ея, висѣвшія съ нѣхъ пучи ;
 Громады скаль, обломковъ ледяныхъ
 Наполнили и пропасти и доли,
 Разбили въ цѣль пошочковъ горныхъ водм
 И заградилн нхъ обычный путь ;
 Паденья грѣмъ ошгрянулъ по горамъ
 И дрогнули кремнистыя сердца
 Ея Альпійскихъ брешій. О, почшо
 Въ развалинахъ ея не опочилъ я !

(Охотникъ подходитъ къ Манфреду.)

Охотникъ б.

Другъ, берегись ! Тебѣ швой первый шагъ
 Бышь можеть гибедью ! Во имя Бога,
 Не стой на сей нависнувшей скаль

Манфредъ (не слышитъ его).

Отъ приличной были-бъ мнѣ могилой ;
 Тамъ мирно-бы покоился мой прахъ ;
 Не сталь-бы оцъ, засыпанный горою,
 Игрушкой вѣтра, хищныхъ птицъ добычей !
 А здѣсь и гроба нѣтъ ему ! Простшите,
 Вы, небеса. Почшо вы на меня
 Глядите взоромъ укорины ? — Вы мнѣ
 Несуждены ! Земля ! прими мой прахъ.

(Хочеть броситься со скалы ; охотникъ схватываетъ и удерживаетъ его.)

Охотникъ

Безумный, стой! Не обогрѣй сихъ горъ
Твоей преступной кровью! Я неволей
Ошь гибели спасу тебя!

Манфредъ.

Оставь,

Оставь меня! Я слабъ и боленъ. . . Горы
Вокругъ меня колеблются и ходятъ . . .
Мой взоръ мрачнѣетъ . . . пошепчешь . . . Кто ты?

Охотникъ,

Узнаешь послѣ! . . .

(Дѣйствіе III-е, явленіе 4-е.)

(Внутренность башни въ замкѣ Манфреда.)

Манфредъ (одинокъ).

Загнѣлись звѣзды; полный мѣсяцъ всталъ
Надъ свѣжными верхами горъ. Прекрасно! . . .
Еще природа мнѣ утѣшна; съ ночью
Я болѣе сдружился чѣмъ съ людьми;
Подъ мирною уединенной сѣнью
Ея звѣздистаго покрова, долго
Я изучалъ языкъ другаго свѣта.
Мнѣ памятно: въ такую точно ночь,
Еще молодой и выскѣй странникъ, я
Былъ въ Колизеумѣ, среди священныхъ
Столицы міра древняго оспашковъ.

Въ ущелияхъ полуупавшихъ зданій
 Сверкали звѣзды ; по лазури неба
 Ходили вѣтви дровъ , одѣвшихъ своды ;
 Вдали надъ Тибромъ лаялъ песь домашній
 Пропажно ближе ; въ Цезарскихъ чертогахъ
 Кричали совы , и далекой стражи
 Ночная пѣснь , то пролетала съ вѣтромъ ,
 То умирала въ тишинѣ окрестной ;
 Въ проломахъ спѣнь чернѣли кипарисы
 И подпирали , мнилось , небосклонъ ,
 Но были близко , тамъ , гдѣ обитали
 Цари вселенной , гдѣ витають нынѣ
 Ночныя птицы , и среди обломковъ
 Кусты въ сердцахъ героевъ коренишся ,
 Повсюду ива замѣняла лавръ ,
 Все , Цезаря и Августа палаты ,
 Добыча плѣнныя , съ плѣннемъ мѣшались ;
 Ляшь мечебойцовъ циркъ окровавленный
 Стоялъ одинъ въ величїи угрюмомъ ,
 И ты сіялъ , небесный путникъ ; мѣсяць ,
 Надъ сей картиной ! Твой сребристый свѣтъ
 Одушевляя царство разрушенья ,
 Пустынный видъ развалинь одичалыхъ ,
 Слѣды вѣковъ изглаживалъ на нихъ .
 Онъ украшалъ , и бывшее прекраснымъ ,
 И то , чему красу даетъ лишь время ,
 Когда , какъ вѣра , спалъ священъ сей край ,
 И дань безмолвнаго благоговѣнья
 Великимъ древности воздади люди ,
 Царямъ умовъ , исплывшимъ , но безсмертнымъ ,
 Цѣль урнъ своихъ вѣщающимъ законы .
 Такая-жъ ночь тогда была . Какъ странно ,
 Что я теперь ее воспоминаю !

Но въ васъ тогда и больше бродячь мысли,
Когда покой унылый имъ приличень.

(Съ Англ. М. В — о (*).)

Куплеты.

Не Фебамъ вдохновець къ стихамъ,
Но страстью мучимъ безпокойной,
Я за толпой въ Пермесскій храмъ
Явился съ жертвой недостойной;
Въ лучахъ безчисленныхъ свѣшилъ,
Предъ божествомъ горящихъ ярко,
Никто не вздумаетъ, я мнилъ —
Замѣшивъ моего огарка.

Но что-жь? Любимый Фебовъ жрецъ,
Въ толпѣ меня почтя привѣтомъ,
Мнѣ говоритъ: »Хвала, пѣвецъ!
»Твой малый даръ не презрѣнь свѣтомъ.

(*) Можемъ порадоваться нашихъ читателей, сказавъ имъ, что Г. Переводчикъ, такъ прекрасно передавшій Сонъ Байрона и сей Ошрывокъ изъ мистеріи Байрона, кончилъ два обширныхъ литературныхъ предпріятія: переводы Шекспирова *Гамлета*, съ Англійскаго, и Мицкевичевыхъ *Дядюшекъ*, съ Польскаго. Надѣмся, что онъ не замедлитъ подарить отечественную публику сими превосходными твореніями. Гамлетъ будешь первая трагедія Шекспирова иполнѣйшая переданная на Русскій языкъ. Донынѣ мы имѣли только старинные переводы въ прозѣ (и едва-ли съ подлинника) *Ромео и Юлія* и *Ричарда III*, *Отелло* и *Лиръ* (или, какъ названъ онъ въ Русскомъ переводѣ, *Леаръ*) переведены въ Русскую прозу съ Дюссоса перевода, въ которомъ Шекспиръ являлся совсѣмъ обезображенный. О Русскихъ подражаніяхъ Шекспиру ничего я упоминаю. Изд. Т.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Полевымъ.

Man kann, was man will —
Man will, was man kann. . . .

Оксенистрикъ.

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1827.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія

	Стр.
<i>В—о М.</i> —	Отрывокъ изъ Байронова сочиненія: <i>Манфредъ</i> (съ Англ.). - - - 65
<i>Вяземскаго, Князя П. А.</i> —	Выдержка. - - - 122
<i>Иллитевскаго А. Д.</i> —	Куплеты. - - - 72
<i>А. М. Н.</i> —	Пѣсна Миньоны (изъ Гёшера <i>Видзельма Мейстера</i> ; съ Нѣм.). - 74
<i>Ломоносова М. В.</i> —	Вновь найденныя стихотворенія. - - - 169
<i>Ротчева А. Г.</i> —	Подражанія Корану. 171

Цвѣтны изъ Греческой Анеологіи (съ Греческаго). - - - - 3

Проза.

- ✓ Заколдованный домъ (Повѣсть Ирвинга Вашингтона). - - - 14, 75 и 125
- ✓ Три браша. Кашайская сказка: - - - 173

II. СМѢСЬ.

Отрывки писемъ изъ Парижа (Я...Т.). 52 и 106

Литтературныя извѣстія. - - - 54 и 112

Журналистика. - - - 55, 114, 158 и 203

Парижскія моды (на Французскомъ и Русскомъ языкахъ). - - - 63, 119, 164 и 215

Къ сей части принадлежать: *шесть* картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ, *портреты*: *Байрона* и *Георга Каннинга*, бывшаго Министра Великобританскаго.